

ТАНКИ,
ВПЕРЕД!

ТАНКИ В БОЮ

ТАНКОВЫЙ ДЕСАНТ

ЕВГЕНИЙ БЕССОНОВ

3600 км на броне танка

ЕВГЕНИЙ Бессонов

Танковый десант

«Яуза»

Бессонов Е.

Танковый десант / Е. Бессонов — «Яуза»,

ISBN 978-5-699-24843-8

В своей книге автор, прошедший пехотинцем сражения на Курской дуге, Львовскую, Висло-Одерскую и Берлинскую операции, рассказывает о том, что он видел, будучи командиром взвода танкового десанта: быт красноармейцев с их простыми радостями в виде сна и горячей пищи, монотонным трудом, желанием выжить и постоянным ощущением близкой смерти. Особого внимания заслуживают описания боев. То, что попадает в поле зрения автора, носит хаотичный, не всегда оправданный характер. Часто он не представляет ни цели, ни смысла того или иного приказа, не знает, где соседи и куда надо двигаться, но при этом с честью выходит из тяжелых положений. Все это вместе с несомненным даром рассказчика делает книгу интересной читателю.

ISBN 978-5-699-24843-8

© Бессонов Е.

© Яуза

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ	7
НАЧАЛО ВОЙНЫ	10
ОРЛОВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Евгений Бессонов

Танковый десант. 3800 км на броне танка

«Я счастлив и горд, что принимал посильное участие в борьбе против фашистских войск и пережил горечь наших неудач и радость Победы».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идею написания воспоминаний предлагали мне многие мои товарищи. Писать воспоминания – вещь для меня нелегкая. Я не профессиональный литератор, наоборот, очень далек от этого. Я решил рассказать о моих родных, детстве и юношестве, взрослых шагах по жизни, изложить пережитое в годы Великой Отечественной войны.

Человеческая память удивительна, жизнь безжалостно стерла из памяти многое былое и пережитое. За повседневными делами, заботами не хватало времени предаваться воспоминаниям о днях минувших. Я не был государственным или политическим деятелем, я простой советский человек, каких миллионы в нашей стране. Мои воспоминания будут затрагивать то, что я видел на своем уровне, то, что я пережил за свою долгую жизнь, за свою военную службу и работу в гражданских организациях после увольнения из армии. Но взгляд мой не обывателя, не злопыхателя. Это отражение того, что происходило вокруг меня, особенно в годы Великой Отечественной войны. Я не претендую на полное и объективное отражение событий – память несовершенна, но к этому я буду стремиться. В этих воспоминаниях я постараюсь рассказать о своих поступках и о поступках других, с кем соприкасался в жизни. В суждениях о других людях и событиях я постараюсь не навлечь на себя упреки в необъективности. Изложенное в воспоминаниях – это моя личная точка зрения, мои личные суждения, мое восприятие жизни. Это взгляд на прошедшую жизнь простого советского человека, профессионального военного, отдавшего службе в Красной Армии, а затем в Советской Армии 35 лет: с 1941-го по 1976 год. Службу я начал с 18 лет и закончил ее в возрасте 53 лет в звании полковника.

Я был убежденным коммунистом, членом Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б), затем Коммунистической партии Советского Союза, в рядах которой состоял с октября 1942-го по август 1991 года. Закоренелый атеист. Свои суждения не изменял. Перевертышем не был и не буду. Выбыл я из партии после ее разгона Генеральным секретарем КПСС М.С.Горбачевым и в КПРФ не вступал. Членский билет сохраняю как реликвию.

Значительное внимание я уделю военной поре. Участников войны остается все меньше, им, живым, все больше лет. Мне, например, в 2003 году исполнилось 80 лет. Великая Отечественная война легла тяжелым грузом на советский народ, на нашу Родину, но, как ни тяжело было, народ, и в первую голову русский народ, выстоял, с большими потерями, но выстоял, хотя было очень тяжело как на фронте, так и в тылу. Моя цель – показать Отечественную войну глазами непосредственного участника – командира взвода и роты танкового десанта 1-го мотострелкового батальона 49-й механизированной бригады 6-го Гвардейского мехкорпуса 4-й Гвардейской танковой армии, в составе которой я провоевал без малого два года, с 1943-го по 1945 год, и с которой прошел по фронтовым дорогам около 3800 километров, – таков мой боевой путь. Это очень много для командира моего ранга, непосредственного участника атак в общей цепи атакующих бойцов или на броне танков, развернутых в атаку. Неоднократно меня спасали от гибели интуиция, фронтовой опыт и знание действий противника, а главное, по-моему, – это везение. На фронте это имело большое значение, что я испытал на себе, и неоднократно.

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Родился я 20 июля 1923 года в Москве, в доме номер 77 по улице Ф.Энгельса. Отец мой, Иван Васильевич Бессонов, приехал в Москву в 1908 году пятнадцатилетним деревенским парнем. Хотя он и не получил практически никакого образования, ему все же удалось устроиться в лавку, а со временем выбиться на должность приказчика (продавца) и даже старшего приказчика. В 1915 году отец женился на моей маме, Ольге Павловне, коренной москвичке. В 1916 году родилась дочь Елена (Леля мы ее звали), и в этом году отца призвали в армию, прослужил он до Февральской революции и был уволен из армии в начале 1917 года. После Великой Октябрьской революции отец работал в госучреждении до выхода на пенсию в 1960 году. Мама, родившись в Москве, окончила три или четыре класса сельской школы, после чего ее отдали в учение в портновскую мастерскую в Москве. Она не любила вспоминать этот период своей жизни. Как рассказывала мама, это был каторжный труд. Надо было вставать в 5–6 часов утра, растопить печку, сварить чай для мастеров, после их трапезы помыть посуду, убирать комнаты и мастерскую. Такие ученики, а их могло быть несколько, только через несколько лет приступали к профессиональной учебе, поскольку хозяину было выгодно содержать малолеток почти задаром. После приобретения профессии портнихи мама устроилась на работу в более престижную мастерскую на Кузнецком Мосту и стала получать приличную по тем временам зарплату – 37–40 рублей в месяц. В 1913-м выйдя замуж за моего отца, родила четверых детей и стала домохозяйкой.

В 1915 году родители снимали квартиру в доме, в котором мне предстояло родиться. Это был чисто московский дворик, окруженный высоким забором.

По улице Ф.Энгельса таких двориков было много, и назывались они по имени домовладельцев: Крушинских, Решеткиных, Масловых, Петрусинских и пр.

У нас во дворе стояло три деревянных дома, два из них хозяйка сдавала за приличную плату, в третьем доме жила сама со своей семьей. К ее дому был пристроен каретный сарай с конюшней. Все дома были одноэтажные, с печным отоплением, без водопровода и канализации: уборные с выгребными ямами были в сенях домов. За водой ходили на улицу к водонапорной колонке. Во дворе был хозяйкин фруктовый сад: яблони, вишни, малина, крыжовник.

После Октябрьской революции дома у хозяйки отобрали, и отец стал платить значительно меньше за занимаемые нами две комнаты по 12 кв. м каждая. Кухня же была общая с соседями, которые также занимали две комнаты. Русская печка отапливала наши две комнаты и одну у соседей. Зимой к утру температура в доме падала до 13–15 градусов.

Обед, т. е. вообще пищу, разогревали на керосинках и примусе, на нем же кипятили чай, ибо печь, а затем дровяную плиту топили только один раз в сутки. Газ в дом провели только после Отечественной войны, и дровяная плита была заменена газовой. Остальные удобства остались прежними, их вернее назвать следует неудобствами.

Следует сказать, что на нашей улице электрическое освещение провели примерно в 1935–1936 годах. До этого улица освещалась газовыми фонарями. Каждый вечер, в сумерках, специальный рабочий обходил улицу и зажигал фонари, а утром гасил их. Для этого он с собой носил лестницу, а фонарные столбы имели специальную перекладину.

Наш микрорайон до середины 30-х годов был рассадником воров, хулиганов. В нашей квартире даже жили знаменитые воры. В 1936–1938 годах в результате принятых мер многих посадили – и микрорайон стал спокойным.

Вспоминая нашу жизнь до 1941 г., считаю, что наша семья жила скромно. У нас была швейная машинка системы «Зингер», на которой всю одежду шила нам мама. Одежда от одной сестры переходила, как правило, к другой, а мне даже перешивали что-то из одежды сестер.

Обстановка была самая простая. Кроме швейной машинки, были настенные часы, комод, старый буфет, две металлические кровати, два сундука, на которых спали мы, дети, стол, стулья, этажерка с кое-какими книгами.

Было тесно, иногда мне трудно было найти место для выполнения уроков. Некоторое время сестра Леля вынуждена была спать даже на столе, благо он был большой.

В каждой комнате в красном углу висели по три иконы с лампадками, которые бабушка часто зажигала. После вступления Лели и Гали в комсомол в 1933 г. отец снял иконы и спрятал их, оставил бабушке на кухне одну иконку.

По праздникам, иногда по воскресеньям, пекли пироги, ватрушки, плюшки, а то и пирог с начинкой из варенья или мясную кулебяку. На Новый год отец покупал елку, украшал ее игрушками и свечами, которые вечером зажигали, конфетами, если были. На Пасху мама с бабушкой готовили пасху и пекли куличи, иногда ходили в церковь их святить, уходили очень рано и находились там долго (до 1934 г.). Редко отец приглашал гостей – своих приятелей с женами, иногда с детьми. К матери приходила ее подруга, тетя Шура, с которой они были вместе в учении.

Обычно перед уходом в школу, в первую смену, пили чай, ели хлеб с маслом, если оно было, горячего не было. В обед, когда приходили из школы, ели суп или щи, на второе картошка, макароны, пшенная или гречневая каша с киселем или с компотом, иногда жарили котлеты или навагу (рыбу). Вечером пили чай с хлебом, очень редко была колбаса. В школе были бесплатные завтраки.

По воскресеньям с приятелями ходили на детский сеанс в кино в клуб им. Маркова или кинотеатр «3-й Интернационал» (около станции метро «Бауманская»), клуб Маркова находился рядом со школой, где я учился, на Б.Почтовой.

Регулярно я ходил на демонстрацию на Красную площадь в праздники 1 Мая и 7 Ноября, со школой или с заводом, где работал наш сосед по квартире Сергей Глазков – токарь высокой квалификации. Я любил ходить на демонстрацию – было весело, люди празднично были одеты, пели песни, плясали, везде играли оркестры. Все было замечательно и радостно, детям на производствах вручались подарки (конфеты, печенье, ситро).

Приблизительно до 13–14 лет я рос болезненным и худым ребенком. Часто болел, перенес скарлатину, корь, воспаление легких и среднего уха. Был застенчивым, часто терялся на уроках, не всегда правильно мог сформулировать свою мысль. Сначала тяжело давалась математика, затем исправился, но грамотно писать так и не научился – всю жизнь пишу с ошибками. Для укрепления здоровья я стал заниматься спортом: подтягивался на турнике, ходил на лыжах, играл в футбол и волейбол. С ребятами мы соревновались в прыжках в длину и высоту. Два года занимался на стадионе «Локомотив» в секции борьбы, там же тренировался со штангой и гирями для укрепления мышц. В школе на большой перемене мы с ребятами занимались на брусьях, прыгали через «коня». В 10-м классе я занял первое место в школе по прыжкам в высоту, участвовал в районных соревнованиях по лыжам, правда, больших успехов не достиг, так же как и в борьбе. Занятия спортом пошли мне на пользу. Я физически окреп и даже болезни отступили. При призыве в армию в августе 1941 года, мне было тогда 18 лет, мой рост был 180 см и вес – 70 кг, нормальные данные для восемнадцатилетнего парня. Спорт помог мне в дальнейшем легко переносить физические нагрузки в армейской жизни и на фронте. Позднее, в армии, у меня обнаружилась способность к стрельбе из любого индивидуального вида оружия, особенно из пистолета.

Храбростью я не отличался и поэтому дрался очень редко, и не только из-за неумения драться, но из-за доброго моего характера – мне было жалко противника бить по лицу и особенно своего товарища. Да и злости не было к противнику, как у некоторых других. Мне раза два попадало, и я ответить не мог.

В комсомол я вступил, мне кажется, самым последним из класса. Только в 1939 г. В младших классах я был пионером, носил красный галстук до вступления в ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи), или в обиходе – комсомол.

Когда здание нашей 341-й школы отошло к ремесленному училищу, нас в декабре 1940 года перевели в 350-ю школу на Б.Почтовой улице. Меня решением комсомольской организации избрали председателем добровольного общества «ОСОАВИАХИМ» (после войны эта организация стала называться «ДОСААФ»). Не скажу, что работа в этой организации школы кипела, но по рекомендациям районного общества, райкома комсомола, а также райвоенкомата школьное общество изредка проводило соревнования по стрельбе в тире, особенно нужные ребятам, устраивались походы в противогазах, и иногда даже уроки и другие мероприятия проводились в противогазах. Лучшими моими друзьями по улице были тогда Владимир Долматов, Петр Хромышев, Лев Колыхалов (погиб в 1942 году), Евгений Боголюбский (пропал без вести). А позже одноклассники – Александр Фокин (погиб в 1943 году) и Андрей Отрыганьев (подполковник, умер в 1957 году в возрасте 35 лет). С Александром и Андреем у нас были общие взгляды и интересы, мы все были высокими, спортивными ребятами и учились на одном приблизительно уровне. К тому же мы жили рядом со школой. Не курили, вино и пиво не пили, да у нас и денег не было. Но посещали многие спортивные соревнования, большинство которых для школьников были бесплатными.

К сожалению, в последней, четвертой, четверти учебного 1941 года мы прекратили заниматься спортом – надо было готовиться к выпускным экзаменам. После длительного обсуждения несколько человек из моего класса, в том числе и я, решили поступать в Севастопольское военно-морское училище, но при прохождении медицинской комиссии я не прошел в это училище по зрению. У меня был обнаружен дальтонизм, правда, незначительный. Но все равно комиссия определила негодность к службе в Военно-морском флоте и в авиации (я пытался поступать и в аэроклуб). О войне мы, одноклассники, не думали и к тому же считали, что война будет проходить на чужой территории, тогда мы были беспечные. Выпускные экзамены, кроме сочинения, я сдал на «отлично». Выпускной вечер состоялся 17 июня 1941 года, нам были вручены аттестаты зрелости. Через пять дней началась война.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Я встретил известие о начале войны в городе, где был вместе с Владимиром Гривниным, одноклассником, мы собрались пойти в Кинотеатр повторного фильма, который находился у Никитских Ворот. Известие о войне мы, мое ребячье окружение, встретили спокойно, предполагали, что фашистскую армию вот-вот отбросят от границы страны. Но получилось совсем иначе. Самая жестокая из всех войн длилась для нас 1418 дней, или 3 года 10 месяцев и 17 дней.

Числа 25–26 июня 1941 года меня и других комсомольцев пригласили в Бауманский райком комсомола. Там нам предложили поехать в Брянскую область, на строительство оборонительных сооружений. Вечером этого же дня с кое-какими личными вещами и продуктами нас погрузили в эшелон и отправили на запад, на строительство оборонительного рубежа. Мы начали работать под городом Кировом Брянской области. Работали по 12 часов в день и, непривычные к физическому труду, здорово изматывались. Засыпали моментально, как только касались «ложа» из сена или соломы, приготовленного в основном в сараях. Рыли противотанковые рвы, окапывали берега рек, копали окопы, ставили проволочные заграждения. В некоторых случаях восстанавливали после бомбежек железнодорожные пути, очищали их от разбитых товарных вагонов. Но основным для нас занятием было рытье противотанковых рвов. Кормежка была плохая, нам ее не хватало, а население деревень не отличалось добротой. Приходилось нашему прорабу, прибывшему вместе с нами из Москвы, проводить беседы с жителями, чаще с руководством колхоза, села, если они не были призваны в армию, об оказании нам помощи хотя бы картошкой. Редко, но помогало. Нас несколько раз бомбили немцы, с перепугу мы разбежались, как зайцы. Молодые были, здоровые – бегали быстро. Правда, потерь не было, тем более что бомбы рвались от нас в стороне, но дрожь в ногах у нас, необстрелянных, была. Работали мы там 45 дней, до 8 августа 1941 года, а затем в спешном порядке нас посадили в эшелон и утром 9-го привезли в Москву, на Киевский вокзал. Студентов институтов на месте призвали в армию и направили по воинским частям.

Когда мы, 5–7 человек, вошли в вагон поезда метро, на нас стали обращать внимание пассажиры. Мы были оборванные, грязные, в заплатках на рубашках и брюках, волосы на голове отросли, свисали лохмами. Но затем нас обступили женщины и стали расспрашивать, кто мы и откуда. Когда узнали, что мы с трудового фронта, то стали, как все матери, задавать вопросы о своих детях, но мы никого из них не знали и не встречали. По прибытии домой меня ждала повестка о призыве в Красную Армию с явкой на сборный пункт в школу в Такмаков переулок к 11 августа 1941 года – это был сборный пункт Бауманского райвоенкомата Москвы. Такие повестки получили кроме меня и некоторые мои соседи по улице и одноклассники.

В ночь на 12 августа 1941 года нас погрузили в эшелон, в товарные вагоны (40 человек или 8 лошадей), и мы отправились на восток. По дороге отдельные вагоны отцепляли и ребят направляли в военные училища. Так убыл из нашей компании Александр Фокин. Недалеко от Челябинска нас разместили в палатках Чебаркульского военного лагеря, куда выезжали на летний период воинские части Уральского военного округа. До наступления холодов мы прожили в этом лагере, и с нами занимались в основном строевой подготовкой. Одежда на нас была наша, гражданская. С наступлением холодов нас перевели в летний кинотеатр парка культуры Челябинска. Такие летние кинотеатры до войны имелись и в Москве. Осень на Урале была холодная, в кинотеатре мы мерзли, стали болеть, у многих ребят обувь развалилась, да еще питание было паршивое, кое-кто стал заниматься воровством. Потом где-то вверху приняли решение избавиться от многочисленной, неуправляемой, разношерстной компании, а нас было не менее 500 человек, большинство из которых с утра разбежалось по городу в поисках еды. Стали постепенно отправлять эту братву к местам службы, кого куда. Убыли мои друзья Тура-

нов, Творогов и Сильванович. Встретил я их только после войны, в Москве. Все они прошли войну и остались живыми, хотя Сильванович остался инвалидом после ранения. В октябре нас, человек двадцать, отобрал незнакомый старшина, и с ним мы выехали в колхоз на уборку картофеля, который не убрали местные жители до заморозков. Разместили нас в неотапливаемом помещении, мы мерзли по ночам, но за день так уставали, что этого холода не замечали. А был это Урал, и была уже середина или конец октября. Жители села нам ничем не помогали, ни продуктами, ни дровами, даже картошку сварить было не в чем. Ходили всегда голодными, к тому же простудились многие, в том числе и я. Наш старший тоже не проявил должной заботы – хорошо, что приняли решение возвратить нас в Челябинск. В какой-то мере понятно высказывание одной из баб села, где мы рыли противотанковые рвы в июле 1941 года, которая отказала нам в продуктах, заявив: «А чем я буду кормить немцев, которые скоро придут?» Но ведь то было в Брянской области, а не на Урале, от которого немцы далеко. Никогда в жизни таких людей не встречал – не зря их чалдонами зовут. Такое отношение к нам мы встретили только в Западной Украине. Но это уже «бандеровские регионы», которые вошли в состав СССР в 1940 году.

В Челябинске мы в летний кинотеатр уже не попали. Нас переводили из одной казармы в другую, но хорошо, что в них было хотя бы тепло. Кормили до безобразия плохо: вареная свекла в горячей воде, вот и все. А посуда – чистая банная шайка. Почему так, непонятно, война шла только четвертый месяц. Насмотрелись мы на призванных солдат из запаса. Хмурые, мятые, какие-то обреченные сорокалетние мужики, выглядевшие глубокими стариками. На фронте я таких не встречал «заскорузлых». Удивительно, а еще сибиряки! В начале ноября 1941 года нас, человек 400, погрузили в Челябинске в эшелон. Всех нас направили в Камышловское военно-пехотное училище. Пока мы ехали в Камышлов, натерпелись от голода. Как всегда, в нашу команду назначили старшим проходимца, который получил продукты, раздал нам на один день, а с остальными продуктами скрылся – больше мы его не видели. В начале войны воровство расцвело, а выявить воров было трудно. Голодные ребята буквально опрокидывали продовольственные ларьки на железнодорожных станциях и забирали все, что там находилось. От знакомых ребят мне тоже кое-что перепало, в основном хлеб. После таких погромов эшелон стали останавливать только в поле, где не было железнодорожных станций или населенных пунктов.

Выгрузили нас в г. Камышлове Свердловской области, в 180 км восточнее Свердловска (сейчас Екатеринбург). Прибывших с этим эшелоном в училище разбили на четыре роты – 13-ю, 14-ю, 15-ю и 16-ю, из которых был сформирован четвертый батальон. Я попал в 15-ю роту. Тех, кто настойчиво и решительно отказался от учебы, а также бывших уголовников отправили по воинским частям, которые формировались для фронта на Урале. В училище 16 ноября 1941 года мы приняли Присягу, и нас зачислили курсантами. Вначале нам выдали не сапоги, а ботинки с обмотками. С ними мы намучились. Крутишь обмотку, крутишь вокруг ноги, и вдруг она выскакивает из руки, и процедура начинается заново. Тогда почти все солдаты в Красной Армии носили ботинки с обмотками, особенно в пехоте. Обмундировали нас в училище по-зимнему (только тогда обмотки заменили сапогами): байковые портянки, суконные гимнастерки и ватные брюки, под шинель выдали ватную телогрейку, рукавицы. А вот шапок не было, ходили в пилотках. При морозе градусов 20–25 и более под пилотку некоторые подкладывали вафельное полотенце. А морозы на Урале в эту зиму были крепкие, мы видели, как воровьи на лету замерзали, – это не выдумка. Шапки выдали лишь в начале января 1942 года.

Размещались мы на первом этаже огромной двухэтажной казармы. Спали на двухъярусных металлических койках. Матрацы и подушки мы сами набивали соломой в хоззвезде училища. Выдавались две простыни и байковое одеяло. В разных концах казармы были две большие (уральские) печки, топившиеся дровами. На каждом этаже располагались две роты по 120 человек каждая. Роты на этаже разделял широкий коридор, в котором роты строились для

утреннего осмотра (форма № 20 – на вшивость) и на вечернюю поверку. В концах казарменного здания были каптерка, комната для офицеров роты, ружейная пирамида, умывальник и уборная. Занятия продолжались 10–12 часов вместе с самоподготовкой. Подъем был в 6 часов или в 6 часов 30 минут (точно не помню), отбой ко сну в 22.30. За день устанешь, а занятия проводились только в поле, на воздухе, поэтому спать и есть всегда хотелось. Кормили нас прилично. Хлеба давали 750 г в день, сахар на завтрак и на ужин – для чая. Завтрак состоял, как правило, из каши, кусочка сливочного масла (20 г), чая, хлеба. В обед суп или щи на мясном бульоне, на второе – картофельное пюре или каша с мясом, компот и хлеб. Ужин был слабый – винегрет или кусок вареной рыбы (иногда селедка) с картошкой, чай, хлеб, сахар. Курсантов кормили даже лучше, чем командиров в их столовой. Однако энергии мы затрачивали много, да еще на морозе весь день, поэтому молодой организм требовал больше и питания, и сна. По установленному распорядку дня сна нам не хватало, хотя днем после обеда был «мертвый час». Отдельные курсанты не выдерживали такой нагрузки и заметно ослабли и похудели, другие, не привыкшие к таким сильным морозам, поморозили ноги.

Командиром нашей роты был старший лейтенант Сулейменов, по национальности казах, физически крепкий, отличный строевик. Хороший мужик. В роте было четыре взвода, по 30 курсантов в каждом взводе. Всего в училище было 20 рот (5 батальонов). Командиром моего первого взвода был лейтенант Храповицкий, вторым взводом командовал лейтенант Ильин. А вот фамилии двух других командиров взводов я забыл. В первом и во втором взводах большинство курсантов были москвичи, а третий и четвертый взводы состояли в основном из местных – с Урала и прилегающих к нему областей.

Начальником училища был по воинскому званию комбриг (в петлицах носил один ромб), хотя армия перешла на генеральские звания. Мы его редко видели, в основном на строевых смотрах, которые проводились за все наше пребывание в училище 2–3 раза. Говорили, что он только недавно был освобожден из заключения. Его арестовали как бывшего царского офицера, как было с Рокоссовским – Маршалом Советского Союза и генералом Горбатовым.

В середине декабря 1941 года нашу роту направили в зимний лагерь за город, где мы жили в землянках, спали на двухэтажных нарах. Водопровода не было, и приходилось умываться снегом после физзарядки, которая проводилась, так же как и занятия, при любом морозе, а к утру мороз достигал 30–35 градусов! Три раза в месяц мы ходили в баню на лыжах за 18 километров. Занимались с нами строевой подготовкой: отрабатывали строевой шаг, повороты налево, направо, кругом и отдание чести (в то время говорили – приветствие друг друга и командиров), изучали материальную часть оружия, уставы и наставления. Занимались тактикой – отрабатывали наступление на противника, а также оборону за взвод и роту. Иногда стреляли на стрельбище. Через месяц-полтора нас вернули в городские казармы.

Из расположения военного городка в город курсантов не выпускали, да там и делать было нечего. На территории военного училища была почта, магазин промтоварный с необходимой для военнослужащего разной мелочью, вроде иголок и ниток. Был также клуб с кинозалом и библиотекой. По воскресеньям, а у курсантов тоже был выходной, я посещал библиотеку, читал там газеты, обычно «Правду», брал с собой в казарму художественную литературу и находил время ее читать. Строем ходили смотреть кинофильмы, обычно днем, до обеда. Остался у меня в памяти один фильм – «Разгром немцев под Москвой», на других фильмах я обычно засыпал, как и некоторые другие курсанты, хотя кинозал отапливался очень плохо. Когда ходили в наряд по роте – дежурный и три дневальных, то ночью через проем в заборе бегали к приходу московского поезда в станционный буфет за пшеничной кашей, не пшенной, а именно пшеничной, больше в буфете ничего не было. Обычно посудой для каши нам служило противопожарное ведро, которое висело на одноименном щите. К каше полагалось несколько кусков хлеба. За ночь это ведро каши съедалось, будили и своих двух-трех друзей, если каша оставалась. К утру ведро должно было быть чистым и снова висеть на противопожарном щите.

Курсанты были разные – честные, отзывчивые, помогали друг другу, по курсантскому закону делились продуктовыми посылками с близкими друзьями. Другие были нечестные, не соблюдали элементарную дисциплину. Над слабыми могли поиздеваться, словесно и незлобно, но с ними, так же как и с ворами, разбирались сами курсанты. Во всяком случае, «дедовщины» не было, мы вообще не знали о ней. Трудности военной службы я переносил легко, так же как и морозы. По росту в роте был третьим. Первым был Анатолий Павлович Злобин – после войны видный писатель, скончавшийся в 2000 году. Вместе с ним призывались из Москвы. На фронте он командовал минометной батареей. В роте я со всеми ребятами был в хороших отношениях, а во взводе мы все были дружны – москвичи, рядом жили и в школах учились по-соседски, даже общих знакомых имели. Делить нам было нечего. В физическом отношении я был не хуже других курсантов взвода и роты. Ничем не выделялся, но в обиду себя не давал. Ни перед кем не заискивал, не наушничал. Мог, наоборот, вступить в пререкание с командиром взвода. Командир роты как-то был далек от нас, мы его не каждый день видели. По вечерам с нами занимались помкомвзводов, как правило, на эти должности назначались курсанты старше нас по возрасту, не из плеяды школьников, а из курсантов, ранее поступивших в училище. Некоторым же служба, учеба давались с трудом, и два курсанта не выдержали этого напряжения. Один, Лисицын, из местных, застрелился в землянке во время дневальства по роте. Другой, Вишневецкий, из москвичей, сбежал. Долго его искали, но так и не нашли. Для роты эти два случая явились чрезвычайными происшествиями. Говорили позже, что от сбежавшего Вишневецкого было письмо – чтобы его не считали дезертиром и что он находится на фронте. Но нам его не обнародовали, видимо, для того, чтобы другие курсанты не последовали его примеру.

За шесть месяцев нам надо было усвоить двухгодичный материал нормального довоенного училища. Фронту нужны были командиры звена взвод – рота, которые на фронте выбывают из строя быстрее всех. Мы изучали уставы и на практике должны были освоить на местности, как говорят в армии, «Боевой устав пехоты» 1936 года, от действия одиночного бойца до работы командира роты в наступлении и в обороне. В 1942 году этот устав был отменен и издан «Боевой устав пехоты с учетом опыта военных действий на фронте». Назубок мы должны были знать также «Устав внутренней службы», «Устав караульной службы» и «Строевой устав». Кроме уставов мы изучали наставления, должны были знать материальную часть оружия, порядок его разборки и сборки, его применение, неисправности и их устранение, взаимодействие частей оружия. Изучили винтовку Мосина образца 1892/1930 года, автоматическую винтовку Симонова, ручной пулемет Дегтярева, станковый пулемет «максим» – сложность состояла в сборке и разборке его затвора, вернее, замка, имевшего большое количество деталей. Этот пулемет, так же как и винтовка, применялся еще в Первую мировую войну и Гражданскую войну и до конца Великой Отечественной войны. Кроме этого оружия мы изучали минометы: ротный миномет 37-мм (он был позже снят с вооружения) 50– и 82-мм, их данные и применение, условия стрельбы, подготовку данных. Следует сказать, что обучали нас плохо, поскольку преподаватели сами разбирались в предмете слабо. Вообще, если говорить о войне, то наши минометчики стреляли очень плохо. Конечно, специализированные части – минометные батальоны и полки – были подготовлены хорошо, а наши пехотные средненько работали. Один раз меня чуть не убили. Немецкие же минометчики были очень сильные, а вот артиллеристы так себе.

Кроме всего прочего, отрабатывали командный язык (по сравнению с другими дисциплинами этот элемент у меня получался отменно), а кроме чисто военных дисциплин, была еще и политическая подготовка. Политзанятия ограничивались чтением лекций преподавателем, и это было правильно, уставшие курсанты тяжело воспринимали эти лекции, некоторые засыпали. По себе сужу – я дремал на этих лекциях, и в голове от них ничего не оставалось. Но в целом все внимание в училище было обращено на военные дисциплины, учеба была напряженная, и уставали мы здорово. Подготовку данных для 82-мм миномета я, да и другие, так и

не освоили, доучивались в частях. Правда, я остался в пехоте, и, кроме меня, еще 30 человек не были направлены в минометные подразделения. Боевые стрельбы из миномета не проводились, тем более что и наши командиры взводов и командир роты, видимо, слабо разбирались в этом вопросе. Они были, кроме командира роты, выпускниками этого же Камышловского пехотного училища, и артиллерийских (минометных) дисциплин не было в программе, как в специальных училищах. Вместе с нами они сами изучали теорию стрельбы из миномета и дать нам приличных знаний не могли, а мы, курсанты, несерьезно отнеслись к этой дисциплине.

Наша учеба закончилась, и в начале мая 1942 года курсантам были присвоены воинские звания, одной части «лейтенант», а другой – «младший лейтенант», в том числе, к моему великому сожалению, это звание было присвоено и мне. Я переживал, но постепенно успокоился – какая разница, в каком звании ехать на фронт, все равно командиром взвода. Выпуск составил 480 человек (4 роты). Как-то буднично прошел выпуск, незаметно; была война. Казарма опустела, нового набора еще не было. Распрощались со всеми, со многими навсегда. Мне не было и 19 лет, вот в таком возрасте мы должны были руководить людьми, солдатами старше себя. Груз ответственности, взваленный на юношеские плечи войной, был особенно тяжел. Нам, юношам, почти мальчикам, приходилось командовать по крайней мере сотней взрослых, бывалых людей, отвечать за их жизнь, за порученное дело, решать нравственные проблемы, но мы, молодые, не согнулись и не сломались. Вот так.

Некоторых командиров, мы уже не были курсантами, 25–30 человек, в том числе и меня, оставили при училище. Нам объявили, что мы будем обучаться на командиров взводов истребителей танков (ПТР). Что это такое, досконально никто не знал. Позже пришло разъяснение в виде наставления. В нем говорилось, что в каждом стрелковом батальоне создаются взвод, а затем рота противотанковых ружей для борьбы с танками противника. В училище поступило два противотанковых ружья – одно системы Дегтярева, другое Симонова – самозарядное, а также противотанковые гранаты. Стреляли из них редко – берегли патроны, вместо гранат бросали учебные болванки. В начале июля 1942 года нас направили в часть.

Мы попали не сразу на фронт, а в 365-й запасной стрелковый полк 46-й запасной стрелковой бригады на станцию Сурок Марийской АССР. В этом полку готовилось пополнение для фронтовых частей. Рядовых красноармейцев обучали азам военной науки, главным образом стрельбе и тактике – действиям одиночного бойца в составе отделения, взвода. Я и лейтенант Жуков, тоже из нашей курсантской роты, москвич, были направлены в снайперскую роту. Командиром этой роты был младший лейтенант Чудаков, призванный из запаса в возрасте 40–45 лет. Я стал командиром взвода, получил в подчинение 30 красноармейцев разных возрастов, национальностей, многие прожили уже большую жизнь. Вначале было непривычно руководить взрослыми людьми, и я стесненно себя чувствовал, но затем все встало на свои места. Денежное содержание командира взвода составляло 600 рублей в месяц, из них высчитывали 50 рублей как военный налог. На руки мы получали 550 рублей, но тратить их было некуда, магазинов в полку не было. Существовала карточная система, а рыночные цены были очень высокие: буханка черного хлеба стоила 200–250 рублей, пол-литра водки или самогона – 250–300 рублей, вот и все денежное довольствие.

В снайперской роте, кроме стрельбы и изучения материальной части снайперской винтовки, мы учили красноармейцев окапываться малой саперной лопатой, маскироваться на местности, перебегать на поле боя, бросать гранаты, в основном РГД-38, штыковому бою. К нам, в снайперскую роту, специально были подобраны молодые ребята, которые с увлечением познавали снайперское дело, к тому же стремились достичь моего мастерства в стрельбе, а в полку редко кто стрелял лучше меня. Хотя фронтового опыта у нас не было, но мы учили подчиненных тому, что сами умели и знали по окончании военного училища. Время на подготовку снайперов было увеличено по сравнению с подготовкой рядового бойца пехотной роты. После двух-трех месяцев обучения, а иногда и меньше, красноармейцев направляли на пополнение

фронтовых частей, но офицеров, вернее, командиров редко направляли из полка на фронт. Я, например, пробыл в полку около года (с июня 1942 г. по апрель 1943 г.). Летом и осенью 1942 года меня два раза направляли сопровождать маршевые роты в действующую армию, сначала в район Можайска, а второй раз под Воронеж. Задачей сопровождавших маршевые роты командиров было обеспечить доставку роты без потерь в личном составе (случаи побега имелись). Иногда вместе с командиром роты выезжал и политрук роты. Маршевые роты обычно доставлялись до расположения штаба дивизии или полка, где красноармейцев распределяли по подразделениям. Из 365-го запасного полка постепенно убывали на фронт и командиры, на смену им стали прибывать командиры после лечения в госпиталях, после ранений, иногда тяжелых. Наступила и моя пора покинуть полк. Я надолго задержался в этом полку, но приобрел опыт руководства людьми и расширил свои познания в военных вопросах, отменно стрелял. Хороших друзей у меня в полку не осталось – многие уже убыли, и запасной полк я оставил с радостью.

В конце апреля 1943 года меня направили в распоряжение отдела кадров Московского военного округа. Отдел кадров МВО направил меня и других офицеров в батальон резерва офицерского состава в г. Кучино, под Москвой, где батальон дислоцировался. Пробыл я там недолго, около месяца. В батальоне мы ничем не занимались и стремились быстрее попасть на фронт. В июле 1943 года нас, около сотни офицеров, отправили в распоряжение Брянского фронта. Из Москвы мы выехали по железной дороге, затем от Сухиничей передвигались попутным транспортом и даже пешим порядком. В это время шла Курская битва – одна из величайших битв мировой войны. Наше контрнаступление началось удачно, но в результате кровопролитных боев в обороне, а затем в наступлении части армии понесли значительные потери в личном составе, как рядовом, так и командном, и поэтому фронтовые части Брянского фронта остро нуждались в пополнении.

ОРЛОВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

В штаб Брянского фронта мы прибыли 2 августа 1943 года, и нас распределили по разным армиям фронта. Меня и еще несколько офицеров направили в 4-ю танковую армию, которая, перейдя 26 июля в наступление, вела бои, ломая сопротивление противника и продвигаясь вперед, к городу Орлу. Приблизительно 6–7 августа 1943 года мы прибыли в штаб 4-й танковой армии, который размещался в овраге, с соблюдением всех мер маскировки от авиации противника. Командующим армией был тогда генерал-лейтенант В.М.Баданов. После короткой беседы с начальником отдела кадров армии меня и еще несколько командиров откомандировали для службы в 6-й Гвардейский механизированный корпус под командованием генерал-майора А.И.Акимова. Из отдела кадров мехкорпуса нас раскидали уже по бригадам, к тому времени со мной осталось 5–7 человек из тех ста, кто выехал из Москвы. Одних направили в 16-ю Гвардейскую мехбригаду, других в 17-ю Гвардейскую мехбригаду, а я в единственном числе попал в не имевшую гвардейского звания 49-ю механизированную бригаду подполковника Туркина Петра Никитича. 13–14 августа начальник строевого отделения бригады, после некоторой заминки, принял решение отправить меня на пополнение в 1-й мотострелковый батальон. Командиром батальона был старший лейтенант Терентий Григорьевич Козиенко, ставший капитаном только в октябре 1943 года. Чтобы мне не пришлось блуждать по оврагам в поисках штаба батальона, из батальона вызвали связного, с ним я и представился начальнику штаба батальона капитану Мазурову С.П. о своем прибытии для прохождения дальнейшей службы. Первый батальон как раз был выведен из боя, и личный состав приводил себя в порядок. Для меня эта пауза в боях была на руку, и я смог кое-как познакомиться с личным составом взвода вне боевой обстановки, на полдневном привале. Меня назначили командиром 2-го взвода 1-й роты, которой командовал младший лейтенант Титов Петр Иванович. В должности командира 2-го взвода я и провоевал до самого конца войны, и только в сентябре – октябре 1945 года меня официально назначили командиром 1-й роты.

Командиром 1-го взвода был лейтенант Шакуло Петр Сергеевич, а 3-м взводом командовал лейтенант Гаврилов (забыл, как его звали). Командира пулеметного взвода в роте не было – убит после тяжелого ранения. Старшиной роты был Василий Блохин, бывший моряк Тихоокеанского флота. В роте были санинструктор Сафронов, ротный писарь Бараковский, а также снайпер, здоровый казах, Джамбул. Заместителем командира батальона по политчасти был капитан Герштейн Абрам Ефимович, а заместителем комбата по строевой части – старший лейтенант Бурков Максим Тарасович, погибший 16.01.1945 г. Второй мотострелковой ротой командовал лейтенант Гулик Афанасий Никитович, а 3-й ротой – лейтенант Григорьев Юрий Алексеевич, ставший в мае 1944 года начальником штаба батальона.

В роте старшина Блохин познакомил меня с помкомвзвода старшим сержантом Сабаявым и ординарцем. Вечером того же дня мы выступили для занятия боевых позиций, чтобы с рассветом атаковать немцев. У меня не было ни оружия, ни даже саперной лопатки. Ночью нас, трех офицеров роты, вызвал командир роты Титов и поставил задачу на наступление. Командиров взводов я плохо запомнил в темноте, а они меня также. С рассветом рота развернулась в цепь и вместе с двумя другими ротами батальона быстрым шагом стала продвигаться к высоте, не имея понятия, есть ли на ней противник. Это было мое первое крещение боем. Уже не на учениях – здесь фронт, и впереди враг. С этой высоты противник и открыл сначала пулеметный огонь, а затем обрушил на нас плотный огонь минометов. Я, как на учениях, скомандовал солдатам: «Вперед бегом» – и сам тоже побежал, как на занятиях. И вдруг впереди меня моих бойцов не оказалось. Слышу сбоку из оврага голоса, зовущие меня в этот овраг, где уже укрылись бойцы роты и моего взвода. Стали окапываться. А у меня даже лопатки не было, как и оружия – ни пистолета, ни автомата, все это я получил дня через два. Справа от меня

один боец уже выкопал ячейку лежа, и я у него попросил малую саперную лопату, немного поковырял землю и набросал бруствер. Отдал этому рыжему лопатку и спрашиваю его, кто он такой. Он ответил мне, что он командир взвода первой роты лейтенант Петр Шакуло. Я его видел только ночью и теперь, днем, не узнал. Так Петр Шакуло стал моим лучшим другом на всю войну и до самой его смерти в 1988 году.

С наступлением темноты мы покинули овраг и окопались на ровном месте, против этой высоты, стараясь замаскировать свои окопы-щели как можно лучше от авиации и наблюдения противника. Ночью мы получили команду снова атаковать противника, обороняющего высоту. Атака ночью своеобразная, сложная и требует тесного взаимодействия всех подразделений батальона и даже отдельных бойцов роты, требует смелости и бесстрашия. В начале атаки все шло нормально до тех пор, пока мы не достигли проволочного заграждения и рота не залегла перед ним. Как преодолеть заграждение? Ножниц для резки проволоки нет. Допустим, несколько солдат вместе со мной проникли бы ползком под колючий забор. А как же остальные? Будут ли преодолевать заграждение? В темноте не видно. Помогут ли они мне или я им – это главное в ночном бою. Я не знал, как быть, и пополз искать Шакуло и Гаврилова, командиров взводов роты. Немцы сильно освещали местность ракетами, и мне удалось их найти. С ними был также лейтенант Чернышов Николай Константинович, командир взвода из 2-й роты батальона. Все вместе мы решили отойти на прежние позиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.